

Крестовская Мария Всеволодовна

**Сын; Немудреные; Семейные
неприятности; Имянинница;
Сон в летнюю ночь; Дети;
Первое счастье**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Всеволодовна К.**
Сын; Немудреные; Семейные неприятности; Имянинница; Сон в летнюю
ночь; Дети; Первое счастье / Крестовская Мария Всеволодовна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 436 с.

ISBN 978-5-519-91066-8

ISBN 978-5-519-91066-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С Ы Н Ъ.

С Ы Н Ъ.

(Повѣсть).

I.

Петръ Ивановичъ Дымковъ только-что оздоровѣлъ.

Онъ прожилъ съ женой тридцать-четыре года, и теперь это прекращеніе ея существованія, неразрывнаго, какъ то всегда казалось ему, съ его собственнымъ, было для него такъ ужасно и такъ дико, что ему почти снова приходилось учиться жить—жить безъ нея. Каждое утро какъ только онъ просыпался, его охватывало чувство такой пустоты и ноющей, мучительной тоски, что онъ спѣшилъ опять инстинктивно закрыть глаза и забыться еще хоть на нѣсколько минутъ, въ которыя онъ могъ бы не сознавать своего горя.

Каждое утро ему казалось, что вставать нѣ для чего, и было бы гораздо лучше, еслибы онъ,

не просыпаясь, умеръ какъ-нибудь ночью. Длинный день, разстилавшійся передъ нимъ, только пугалъ его своей длиною и пустотой. Онъ не находилъ себѣ въ немъ ни дѣла, ни охоты къ дѣлу.

— Къ чему теперь?! — говорилъ онъ себѣ уныло: — не стоитъ...

Онъ забросилъ даже хозяйство, хотя была какъ разъ ранняя весна, и время уже было обсеивать поля; забросилъ книги, за которыми провелъ полъ-жизни, и единственное занятіе, успокоивавшее его теперь, было — безцѣльно блуждать, заложивъ руки за спину, по опустѣлымъ комнатамъ и думать о женѣ.

Множество предметовъ въ этихъ комнатахъ, разставленныхъ еще ея рукой, напоминали ему ее и вызывали въ его памяти тысячу разныхъ случаевъ изъ ихъ общей, долгой жизни, — случаевъ пустыхъ и неважныхъ прежде, но полныхъ смысла и прелести для него теперь.

Онъ вспоминалъ образъ жены въ знакомыхъ ему платьяхъ и видѣлъ ее какъ живую: то у окна съ работой въ рукахъ, то за столомъ у самовара, то за роялемъ, — видѣлъ ее въ разныхъ позахъ и движеніяхъ, обычныхъ ей при жизни. Онъ видѣлъ ея лицо, слышалъ, гдѣ-то внутри себя, ея голосъ, но не обыкновенное ея лицо, какъ ему того хотѣлось, а только въ различныхъ его выраженіяхъ отдѣльныхъ моментовъ, почему-либо особенно запомнившихся ему; точно такъ же и го-

лось ея онъ слышалъ только въ отдѣльныхъ звукахъ какой-нибудь фразы, которые вдругъ такъ ясно и отчетливо раздавались гдѣ-то внутри его, что ему казалось, что это она сама громкимъ голосомъ живого человѣка произносила ихъ подлѣ него.

Еслибы кто-нибудь заставилъ Петра Ивановича рассказать о томъ, чтò онъ такъ много и упорно вспоминалъ теперь, то рассказать въ сущности, какъ онъ и самъ сознавалъ, было бы почти нечего. Все могло бы свестись къ двумъ, тремъ десяткамъ словъ. Жизнь они прожили тихую, мирную, покойную, все больше въ деревнѣ, вдвоемъ, безъ общества и развлеченій. Не было въ этой жизни ни особенныхъ приключеній, ни драмъ, ни занимательныхъ исторій, такихъ, по крайней мѣрѣ, которыя могли бы быть интересны для другихъ. Но для него эта тихая жизнь давала безконечный рядъ дорогихъ воспоминаній, которыя трогали и волновали его теперь до слезъ.

Петру Ивановичу даже казалось, что вся прелесть жизни, еще возможная для него, осталась именно въ этихъ воспоминаніяхъ, которыми онъ на мигъ какъ бы оживлялъ и возвращалъ себѣ умершую подругу.

Онъ любилъ подходить къ ея любимому креслу, въ гостиной у окна, изъ котораго были видны поля, дорога и церковь, и смотрѣть на ея работу шелками, въ пальцахъ, которая такъ и осталась

недоконченной, и ему жаль было приказать вынести ее, какъ уже ненужную больше.

Онъ вспоминалъ, смотря на красные и коричневые крестики по канвѣ, съ какой быстротой мелькали, бывало, надъ этими пальцами ея руки, маленькія, теплыя, быстрыя,—и ужасъ, и отчаяніе охватывали его, когда онъ представлялъ себѣ, что эти руки лежатъ теперь въ землѣ мертвыя, холодныя и уже разлагающіяся, быть можетъ...

Когда Петръ Ивановичъ думалъ такъ, онъ понималъ, что съ ея смертью кончилось все и въ его жизни, и онъ желалъ только одного—смерти и для себя; но когда онъ вспоминалъ о сынѣ, утѣшеніе робко проникало въ его душу и точно говорило ему:

— Вотъ тебѣ цѣль и смыслъ жизни!.. живи!

И все его существо, инстинктивно стремясь къ жизни, хваталось за эту мысль, какъ погибающій хватается за соломинку, и тогда ему начинало казаться, что въ ту страшную, темную пустоту, которая словно окружила его послѣ «ея» смерти, прорѣзывается яркій живящій лучъ свѣта и ободряетъ его.

Сынъ телеграфировалъ ему, что пріѣдетъ какъ только возможно скорѣй, но выѣхать немедленно не можетъ.

Въ этомъ пріѣздѣ заключалось для Петра Ивановича теперь все; онъ волновался и мучился имъ, страдая изъ-за cadaго дня отсрочки, и напол-

нялъ ожиданіемъ его всѣ свои дни и долгія, безсонныя ночи. Больше четырехъ лѣтъ не видались они съ сыномъ. Ъздить изъ Петербурга въ Дымково было и дорого, и затруднительно; одной дороги требовалось трое сутокъ, а у Сергѣя Петровича занятій было много, а времени и денегъ мало, и тѣмъ нетерпѣливѣе отецъ ожидалъ его теперь. Петръ Ивановичъ вставалъ съ разсвѣтомъ и шелъ на большую дорогу. Сергѣй Петровичъ писалъ ему, что будетъ телеграфировать о днѣ своего выѣзда; но Петру Ивановичу почему-то казалось, что сынъ пріѣдетъ неожиданно, и по нѣскольку разъ въ день онъ выходилъ на дорогу, съ робкой надеждой, которой почти не вѣрилъ самъ, и вслушивался: не звенятъ ли вдали колокольчики, не ѣдетъ ли почтовый тарантасъ съ знакомой, дорогой ему фигурой.

Ему пріятно было выходить раннимъ утромъ, когда небо еще сѣрѣло на горизонтѣ лиловатыми тонами не сбѣжавшихъ ночныхъ тѣней, а на деревнѣ, изъ избъ, чернѣвшихъ на снѣгу темными пятнами, только что закуривался легкій, тянувшійся къ небу, сѣрый дымокъ.

Былъ конецъ марта; талый снѣгъ, съ большими черными прогалинами выступавшей изъ подъ него земли, еще покрывалъ поля и дорогу, но кое-гдѣ уже показывались первые коричневатые всходы озимей.

Петръ Ивановичъ шелъ прежде всего на кладбище, къ «своей могилкѣ».

Онъ до сихъ поръ еще не могъ отъучиться отъ многолѣтней привычки, — сдѣлавшейся для него почти потребностью, — здороваться по утрамъ съ женой. Они перекидывались при этомъ двумя-тремя незначащими словами, и этихъ словъ ему такъ не хватало теперь!

Онъ наклонялся надъ могилой, крестился и долго цѣловалъ ея холодное изголовье, какъ когда-то по утрамъ цѣловалъ жену въ голову.

Кругомъ была тишина. Церковь стояла въ сторонѣ отъ села, и только черные отъ времени и казавшіеся на снѣгу еще болѣе темными, простые мужицкіе кресты да голые кусты сирени и боярышника окружали его.

Петръ Ивановичъ садился на могилу, смотрѣлъ на эти кресты, на галокъ, съ карканьемъ переносившихся съ одного дерева на другое, на тонкій, уходящій въ небо дымокъ изъ батюшкинаго дома, и думалъ все тѣ же невеселыя думы свои.

Сколько разъ проходили они бывало съ женой по тому мѣсту, гдѣ теперь возвышается холмъ надъ ея могилой, и никакая страшная мысль, никакое тяжелое предчувствіе не поднимались тогда въ немъ!

Иногда его охватывало мучительное, страстное желаніе проникнуть въ тайну: гдѣ она? гдѣ она теперь, видитъ ли его, чувствуетъ ли, какъ

онъ, одинокій и осиротѣлый, сидитъ тутъ подлѣ нея, такъ близко къ ней и въ то же время такъ безконечно далеко!

И онъ невольно наклонялся и начиналъ прислушиваться... Но въ могилѣ все было тихо...

Тогда, онъ вставалъ и уныло брелъ на дорогу поджидать, не зазвелятъ ли вдали колокольчики.

Но навстрѣчу попадались только крестьянскія телѣги, да обгоняли его бабы и мужики изъ сосѣднихъ деревень.

И Петръ Ивановичъ все шелъ и шелъ, не замѣчая ни усталости, ни версты.

Кругомъ лежали все тѣ же поля, да съ одной стороны бѣжалъ молоденькій лѣсокъ, то приближавшійся совсѣмъ къ дорогѣ, то снова терявшійся въ глубинѣ. На снѣгу, по прогалинамъ, цѣлыми стаями прыгали грачи, тревожно косившіяся на звукъ его шаговъ, да изрѣдка перебѣгалъ дорогу испуганный заяцъ.

А колокольчики все не звенѣли.

Тихо и безлюдно было кругомъ, но это была здоровая тишина природы, а возвращаться домой, въ пустыя холодныя комнаты, Петру Ивановичу было ужасно.

«Не пріѣхалъ...—говорилъ онъ себѣ уныло:—и сегодня не пріѣхалъ... Ну, завтра—завтра, можетъ, пріѣдетъ».

И онъ по-неволѣ поворачивалъ назадъ и ти-

хими, тяжелыми шагами, уже замѣчая и версты и усталость, брелъ къ своему осиротѣвшему дому, чтобы тамъ какъ нибудь дотянуть время до утра, а на утро снова начать свою прогулку на могилу и дорогу...

II.

Въ концѣ апрѣля получилась наконецъ телеграмма: «Буду въ пятницу!»

У Петра Ивановича затряслись даже руки, когда онъ прочелъ эту строчку. Онъ широко перекрестился и вздохнулъ всей грудью

— Ну, вотъ, ну, вотъ! — радостно говорилъ онъ всѣмъ:—ну, вотъ теперь ужъ скоро, скоро! Еще три денечка, и Сережа нашъ дома!

Петръ Ивановичъ ожилъ и повеселѣлъ, точно послѣ долгой тяжелой болѣзни, отъ которой, наконецъ, оправился. На него опять напала прежняя дѣятельность. Онъ поднялъ на ноги весь домъ; самъ принялся готовить сыну комнату, перетаскивалъ въ нее лучшую мебель, наколачивалъ на окна занавѣси, но все находилъ ее недостаточно удобной и красивой для приема такого дорогого гостя. Въ прежнія времена къ этимъ прїѣздамъ готовила бывало все сама покойница, и Петру Ивановичу хотѣлось устроить такъ, чтобы сынъ ни въ чемъ не почувствовалъ перемѣны и